

УДК 94 (571.5)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.24.119>

Иностранцы Забайкалья глазами русских врачей конца XIX – начала XX в.¹

В. Ю. Башкуев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. Рассматриваются особенности врачебной репрезентации иностранцев Забайкалья в конце XIX – начале XX в. Представлены основные аспекты изучения дореволюционных русских врачей: здоровье и традиционная медицина иностранцев, их физическая антропология и особенности демографии. Выявляется преемственность исследовательских направлений между дореволюционными и советскими медиками.

Ключевые слова: вымирание иностранцев, областники, врачи, европейская медицина, тибетская медицина, буряты, халха-монголы, тунгусы, физическая антропология, половая жизнь.

Для цитирования: Башкуев В. Ю. Иностранцы Забайкалья глазами русских врачей конца XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2018. Т. 24. С. 119–127. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.24.119>

Проблемы здоровья иностранцев долго оставались без должного внимания со стороны власти. Русские врачи обладали властью дисциплинировать в санитарном отношении иностранцев европейской части (евреев, татар и т. д.) [2, с. 168] и даже некоторых пограничных регионов (Казахская степь) [1], но на востоке возможности государственной медицины были ограничены. Поэтому тревогу о плачевном состоянии здоровья сибирских автохтонов первыми забили не медики, а сибирские областники.

«...Дурные материальные условия и лишения дикарей представляют готовую почву для развития болезней, – писал в своем труде о сибирских иностранцах идеолог областничества Н. М. Ядринцев (1842–1894). – Тиф, лихорадка, оспа и сифилис постоянно господствуют среди иностранцев» [12, с. 78]. Даже то, что вымирающими являлись не все автохтоны, в его интерпретации настораживает, а не обнадеживает. «Факт вымирания и уменьшения иностранцев, правда, не охватывает все местности и все сибирские племена; так, исключение составляют, по-видимому пока, южные кочевники – буряты, киргизы и калмыки, – писал он, и тут же сводил преимущество на нет. – Хотя среди последних появляются ныне те же признаки бедствий» [13, с. 155–157].

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1. Трансграничные России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, № АААА-А17-117021310269-9).

Н. М. Ядринцев задавался вопросом: «Что если в Сибири повторится судьба многих австралийских и американских племен; что если и здесь повторится драма гибели последнего тасманца?» [13, с. 157–158]. Сознвая важность экспертного взгляда, областники регулярно отводили под медицинские материалы полосы в своей газете «Восточное обозрение». Врачебное мнение в основном концентрировалось на медицинских проблемах сибирской деревни, но в силу полиэтничности населения проводились параллели с инородцами.

Например, в материале фельдшера с. Тункинское рассказывалось о желании сельчан содержать приемный покой под предлогом возможного его превращения в богадельню для калек и поселенцев. На фоне нищенской государственной субсидии в 50 руб. в год на медикаменты полученное в 1889 г. пожертвование бурятского тайши в 300 руб. на улучшение аптеки составляло разительный контраст. В последующие годы аптека получала другие пожертвования от инородческого общества [7, с. 2]. Огражденные «Уставом» 1822 г. от внимания медицинских чиновников буряты обслуживались собственными лекарями-ламами, но часто обращались в русские больницы и аптеки.

Деревня отличалась парадоксальным отношением к европейской медицине. Завоевать ее доверие было чрезвычайно сложно. Зато потерять репутацию оказывалось проще простого – хватало единственной врачебной неудачи. Крестьяне слепо верили в действенность примитивных методов лечения. «Кровопускание настолько любимо русским и обруселым человеком, – писал ученый фельдшер, – что если вы хотите понравиться больному, предложите, или согласитесь на его предложение пустить кровь, или поставить банки и дело в шляпе; заговорите же против них и вы будете приняты более чем холодно, если не враждебно» [7, с. 2].

Буряты же не испытывали особого влечения к кровопусканию. Автор отмечал: «В исключительных случаях ламы, лечащие бурят, пускают кровь своим пациентам из жил редко, а больше извлекают рожками из вен таких замысловатых мест как нос, лоб, волосистая часть головы. Вообще ламы берут не столько количеством, сколько важностью избранного ими места» [7, с. 2].

«Восточное обозрение» также публиковало статьи известных врачей. Одним из корреспондентов был Н. В. Кирилов (1860–1921). Выпускник Московского университета, Николай Васильевич более десяти лет трудился сельским окружным врачом в Забайкалье (1885–1896), вольнонаемным врачом на Сахалине (1896–1899), затем в военном госпитале во Владивостоке (1900–1902) [11, с. 87].

Н. В. Кирилов совмещал практическую врачебную работу с научными исследованиями. Сначала его внимание было сконцентрировано на сибирской народно-бытовой медицине. Однако главные научные достижения Кирилова лежат в области изучения монголо-тибетской и китайской традиционной медицины. Он изучил не только прикладные методы ламского лечения, но и теоретические пособия монголо-тибетской медицины, ее фармако-

пею, общался с высокообразованными ламами, получал от них лекарственные средства и наставления.

На страницах «Восточного обозрения» отчетливо проявился его скептицизм по поводу монголо-тибетской медицины. Он писал: «Грустно становится, когда вдумаешься в лечение народа, особенно, бурят: все пользование построено на внушении, слепой вере в приемы врачующего... выздоравливают буквально вопреки лечению – ламы не имеют понятия о способах передачи болезнетворной заразы. Одно спасает инородцев от широкого распространения эпидемий: это – удаленность жилищ друг от друга» [4, с. 9].

Для Н. В. Кирилова характерно восприятие своей профессиональной деятельности как миссии по оцивилизовыванию Востока. То, что у России имелись свои собственные ламаисты, он понимал и как преимущество, и как повод использовать бурят в качестве проводников цивилизации. «Всю организацию ламаизма в Монголии под влиянием Тибета повторяют и наши забайкальские буряты, – подчеркивал он. – Хотя вообще ламаизм распространен в странах, могущих находиться под непосредственным влиянием лишь России, но в особенности на нашу долю для изучения ламаизма выпало то удобство, что мы можем с ним близко ознакомиться, не выходя из пределов нашего отечества». Далее Кирилов эмоционально резюмировал: «Я скажу даже более! Мы не смеем пренебрегать прямой нашей обязанностью изучать жизнь востока. Нам предстоит задача привить высшую европейскую культуру своим соседям – монголам, и это очень легко делается через бурят-ламаитов. Но чтобы облегчился процесс объединения человечества, необходимо знать тормозы нашей просветительской деятельности, надо всем дружно поддержать и обставить нашу миссию так, чтобы она работала во всеоружии, с полной гарантией успеха» [4, с. 9].

В отличие от тех русских медиков, кто непосредственно представлял медицинскую власть [6, с. 58], Н. В. Кирилов был против уничтожения тибетской медицины. «Можно ли сразу вычеркнуть из жизни и заменить тысячи знахарей, волхвов, искренне преданных делу облегчения болезней человечества? Надо ли отучать их от сбора местных лекарственных веществ? На эти вопросы мы должны ответить отрицательно», – писал он, обосновывая собственное видение перехода к европейской медицине.

Признавая теоретическую несовместимость тибетской и европейской медицины, Кирилов стоял на позициях взаимодействия двух систем: «Все наши силы, все наше умение надо употреблять на то, чтобы сохранить человечеству большую армию врачей, но воспитать ее на новых началах. Пусть она продолжает пополнять свои аптеки, но к делу свои лекарства пусть учится применять разумнее» [5, с. 42]. Он задавался вопросом: «Как указать ламаитам недостатки их теории? Как прийти к ним на помощь, чтобы они внимательно выслушали наши советы и научились бы от нас полезному? – И тут же отвечал: – Для этого надо, чтобы наши знания стали доступны забайкальским бурятам, которые естественно будут проводниками европейской культуры в глубь Монголии» [5, с. 45].

Взгляды Н. В. Кирилова свидетельствовали о характерном для русских врачей восприятии своей профессиональной деятельности как особой миссии в отношении инородцев, которых нужно было цивилизовать. В том же, что касалось роли бурят в качестве проводников цивилизующего русского влияния в монгольском мире, Николай Васильевич на три десятилетия предвосхитил геополитические стратегию большевиков, конструирующие Бурят-Монголию как трамплин на «буддийский Восток».

Особый след в истории научного изучения Забайкалья оставил антрополог и врач Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич (1850–1936). Выпускник врачебного факультета Киевского университета, Ю. Д. Талько-Грынцевич с 1892 по 1908 г. работал в Троицкосавске, куда добился распределения сознательно, из интереса в изучении антропологии забайкальцев. Будучи разносторонне одаренной личностью, Талько-Грынцевич совмещал работу окружным врачом Троицкосавска с археологическими, антропологическими и медицинскими исследованиями. В 1894 г. он стал главой Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского русского географического общества.

Особый интерес представляют его работы в области физической и медицинской антропологии населения Забайкалья. Так вышло, что проведенные на рубеже XIX и XX вв. исследования Ю. Д. Талько-Грынцевича оказались последними на имперском этапе производства антропологического знания о народах Забайкалья. После них последовала пауза длиной в два десятилетия, а в середине 1920-х гг. изучение возобновилось в рамках новой, большевистской науки. Поэтому труды ученого равно важны как завершающая точка одной научной традиции и как эталон и источник вдохновения для другой. Они также позволяют выделить преемственность и контраст в научных подходах антропологов имперского и советского периодов.

В 1902 г. в трудах Троицкосавско-Кяхтинского отделения ИРГО вышло сопоставительное исследование физической антропологии бурят, тунгусов и халха-монголов [10]. Вскоре в «Антропологическом журнале» было напечатано дополненное фотографиями издание той же работы [8].

В физическом плане основные различия были обнаружены в росте, размерах головы и краниологических типах. Буряты отличались наиболее крупными и широкими черепами, чрезвычайной короткоголовостью. По сравнению с ними тунгусы и халха-монголы были подкороткоголовы, а баргузинские тунгусы – поддлинноголовы. Опираясь на антропометрические данные, Талько-Грынцевич пришел к выводу о том, что из трех народов наиболее антропологически чистый тип представляли буряты; халхасцы являлись отдельным от бурят и более смешанным типом, а тунгусы в разной степени испытали на себе воздействие бурят и подразделялись на два типа – арматских и баргузинских. Баргузинские тунгусы были более чистым в антропологическом плане типом [10, с. 75–77].

Размышляя над чертами характера изучаемых народов, Ю. Д. Талько-Грынцевич придерживался нейтральных описаний. Бурят он характеризовал как флегматичных, миролюбивых и незлопамятных. «Прежний воинствен-

ный дух, – писал Талько-Грынцевич, – как у всего монгольского племени, исчез у бурят с принятием буддизма в виде ламского учения, которое окончательно утвердилось лишь после присоединения бурят к России и ожесточенной борьбы, объявленной ламам и шаманству» [10, с. 43–44]. Характеризуя интеллект бурят, он отмечал, что «они обладают хорошими умственными способностями, и те из них, которые воспитывались в русских школах, хотя и не обнаруживали выдающихся талантов, тем не менее отличались усидчивостью и терпением, присущим бурятам».

Среди добродетелей отмечалась трезвость. Антрополог писал: «Буряты ведут вообще трезвую жизнь, а пристраиваются к водке преимущественно крещеные, которые встречаются с влиянием европейской культуры». Что касается криминальных проявлений, Ю. Д. Талько-Грынцевич описывал ситуацию так: «Если убийства и грабежи среди бурят почти не встречаются, благодаря главным основам ламского учения, проповедующего любовь и сохранение жизни всего живущего, то погрешности против чужой собственности и кражи встречаются довольно часто» [10, с. 44].

Тунгусы в описаниях Талько-Грынцевича несколько обособлены от бурят и монголов в силу принадлежности к другой языковой и культурно-исторической общности. Он подчеркивал, что монголы и буряты хорошо различали «чуждый им тип тунгусов, даже ассимилированный их культурой». Ученый соглашался с характеристиками, данными эвенкам ранее различными путешественниками: прямодушие, честность, физическая ловкость. Он писал: «Они веселые, легкомысленные, беззаботные, любят наряды и игры, и этот некоторого рода рыцарский характер дал повод Кастрену прозвать их дворянами Сибири... Те же характерные признаки присущи тунгусам как на Амуре, так и в Армаке» [10, с. 45].

Вопрос, серьезно озаботивший ученого, касался более низкой по сравнению с русскими рождаемости у кочевников и их основной отличительной особенности – продолжительной молодости и стремительного старения, без промежуточного этапа зрелости. «Эту расовую особенность мы замечали у китайцев, а ныне в более сильной степени у наших народностей, – писал Талько-Грынцевич. – Продолжительная молодость и потом быстрое и раннее увядание является характерным биологическим признаком, отличающим наши народности от европейской расы» [10, с. 72–73].

Отдельно вопросы фертильности, рождаемости, половых отношений у автохтонов Забайкалья, казачек, старожилок и семейских изучены в работе «К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье» (1903). Материал для исследования собирался восемь лет, с 1894 по 1902 г. в Троицкосавском, Селенгинском, Верхнеудинском, Нерчинском, Читинском и Баргузинском уездах. Объекты исследования разделялись не только по этническому признаку, но и по конституционным типам: светлые семейские и темные сибирячки с примесью инородческой крови и т. д. Всего в исследовании приняли участие 2017 женщин. Изучались такие особенности женской физиологии, как время наступления первой менструации, возраст вступления в брак, начала половой жизни, рождения

первого ребенка, количество рожденных детей и т. д. Для большей релевантности приводились данные не только по женщинам, но и по мужчинам [9].

Исследование Ю. Д. Талько-Грынцевича отвечало запросам времени. Как раз в тот период в регионе происходили тектонические социально-экономические сдвиги: активизация переселенческого движения; землеустроительные реформы и сворачивание родоплеменной системы инородческого самоуправления; строительство Транссибирской железной дороги и КВЖД. Актуальность изучения аспектов, напрямую касавшихся демографии, соотносилась с повесткой экономического освоения и модернизации Забайкалья, а также выходом России в геополитическое пространство Восточной Азии. По-видимому, Ю. Д. Талько-Грынцевич был первым, кто начал систематически изучать эти проблемы в регионе. В России же исследования этого направления начинали оформляться в научное направление: в 1901 г. врачом Д. П. Никольским была опубликована программа для сбора сведений о половой зрелости женщин.

Как и в случае Н. В. Кирилова, Ю. Д. Талько-Грынцевич заложил направление, по которому в 1920-е гг. начали двигаться большевики. Когда в конце 1925 г. в Бурят-Монгольской АССР встал вопрос о необходимости ее включения в зону ответственности Комиссии при СНК СССР по изучению Монголии и Тувы, именно статья Ю. Д. Талько-Грынцевича была указана как единственный научный материал, проливающий свет на вопросы демографии местного населения, его трудоспособности и предрасположенности к болезням². Правда, большевики сосредоточились на тех аспектах, которых он не касался, оговорив, что «в записи не были вносимы женщины, у которых болезни могли иметь какое-нибудь влияние на физиологическое отправление половой сферы, как и врожденные уклонения» [9, с. 100–101], а именно на влиянии венерических и инфекционных заболеваний на рождаемость и качество потомства.

Важной чертой научного подхода Ю. Д. Талько-Грынцевича было то, что он связывал физиологические особенности местного населения с климатом и естественной средой. Он утверждал: «Особенности климата и питания повлияли на физическое строение и психическую сферу жителей Забайкалья помимо их расовых особенностей» [9, с. 98]. Ученый предполагал, что сильные ветры, яркое солнце, сухой воздух и низкое атмосферное давление предрасполагают к приливам крови к органам и, как следствие, разного рода кровотечениям у беременных и рожавших. Также он считал, что сильные ветры в вечернее и ночное время, летние бури и грозы наводят страх на девушек и женщин, отчего те подвержены беспокойству вплоть до истерики. По его мнению, атмосферные явления Забайкалья предрасполагали женщин к нервным заболеваниям [9, с. 99].

Исследования Ю. Д. Талько-Грынцевича в области физической антропологии, половых отношений и климатологии оказались важными для изучения человеческих ресурсов трансграничья Внутренней Азии в рамках ме-

² ГАРБ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 11. Д. 10.

дицинских исследований и программы Комиссии по научному изучению Монголии, Тувы и Бурят-Монгольской АССР СНК и АН СССР. Воодушевленные государственной поддержкой и антропоцентрическим целеполаганием, движимые осознанием острой необходимости в создании нового корпуса знаний о проблемах человека, советские медики и ученые развили направление, заложенное Талько-Грынцевичем, существенно расширив его в сторону социальной гигиены, евгеники и генетики.

Таким образом, дореволюционные русские врачи рассматривали инородцев Забайкалья как объект медицинского и антропологического изучения. Исследования проблем здоровья автохтонов, их демографии и физической антропологии обозначили ряд важных направлений для комплексного изучения народов Забайкалья и трансграничных территорий Внутренней Азии в ранний советский период. В стремлении решить унаследованные от царской России проблемы большевики во многом опирались на работы дореволюционных медицинских экспертов по региону, и сегодня эта преемственность хорошо заметна.

Список литературы

1. *Афанасьева А. Э.* «Освободить... от шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в Казахской степи в XIX в. // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 113–150.
2. *Гатина З. С., Вишленкова Е. А.* Система научной аттестации в медицине в России в первой половине XIX в. // *Вестн. СПбГУКИ*. 2014. № 1 (18). С. 168–178.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).
4. *Кирилов Н. В.* Борьба с эпидемическими заболеваниями в Западном Забайкалье // *Вост. обозрение*. 1893. № 18. С. 9.
5. *Кирилов Н. В.* Современное значение тибетской медицины как части ламайской доктрины. Иркутск : [Б. и.], 1891. 47 с.
6. *Кузьмин Ю. В.* Доктор П. А. Бадмаев: ученый, дипломат, предприниматель. М. : Тов. науч. изд. КМК, 2014. 182 с.
7. *Очерки деревенской медицины в Восточной Сибири* // *Вост. обозрение*. 1892. № 13. С. 2.
8. *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К антропологии Забайкалья и Монголии // *Антропол. журн.* 1902. № 2. С. 1–36.
9. *Талько-Грынцевич Ю. Д.* К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье // *Тр. Троицкосавско-Кяхтин. отд. Приамур. отдела Император. рус. геогр. о-ва*. 1903. Т. VI, вып. 1. С. 95–135.
10. *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Народности Центральной Азии. (Монголо-халхасы, буряты и тунгусы). Антропологический очерк // *Тр. Троицкосавско-Кяхтин. отд. Приамур. Отдела Император. Рус. Геогр. о-ва*. 1902. Т. V, вып. 1. С. 39–77.
11. *Тарасенко Д. Б. М. М.* Добротворский и Н. В. Кирилов как исследователи народной медицины // *Тихоокеан. мед. журн.* 2010. № 10. С. 87–90.
12. *Ядринцев Н. М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб. : Изд. И. М. Сибирякова, 1891. 306 с.
13. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб. : Изд. И. М. Сибирякова, 1892. 750 с.

Non-Russians of Transbaikalia as Viewed by Russian Physicians of the Late XIX – Early XX Century

V. Yu. Bashkuev

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. The article deals with peculiarities of perception of the Transbaikalian indigenous people by the Russian physicians in the late XIX – early XX century. The article considers main aspects of the study by the pre-revolutionary Russian physicians: health and traditional medicine of non-Russians, their physical anthropology and characteristics of demography. The author emphasizes succession of scientific research done by pre-revolutionary and Soviet physicians.

Keywords: extinction of non-Russians, oblastniki, physicians, European medicine, Tibetan medicine, Buryats, Khalkha Mongols, Tungus, physical anthropology, sex life.

For citation: Bashkuev V.Yu. Non-Russians of Transbaikalia as Viewed by Russian Physicians of the Late XIX – Early XX Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2018, vol. 24, pp. 119-127. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.24.119> (in Russian)

References

1. Afanasieva A.E. «Osvobodit... ot shaitanov i sharlatanov»: diskursy i praktiki rossiiskoi meditsiny v Kazakhskoi stepi v XIX v. [“To Free... from Shaitans and Charlatans”: Discourses and Practices of Russian Medicine in the Kazakh Steppe. *Ab Imperio*, 2008, vol. 4, pp. 113-150. (in Russian)]
2. Gatina Z.S., Vishlenkova E.A. Sistema nauchnoi attestatsii v meditsine v Rossii v pervoi polovine XIX v. [The System of Scientific Attestation in Medicine in Russia in the First Half of the 20th Century]. *Vestn. SPbGUKI* [Bulletin of SPbGUKI]. 2014, vol. 1 (18), pp. 168-178. (in Russian)
3. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya (GARB) [State Archive of the Republic of Buryatia]. F. R-250. Op. 1. (in Russian)
4. Kirilov N.V. Bor'ba s epidemicheskimi zabolevaniyami v Zapadnom Zabaikalie [The Struggle against Epidemic Diseases in West Transbaikalia]. *Vostochnoe obozrenie* [Oriental Review], 1893, vol. 18, p. 9. (in Russian)
5. Kirilov N.V. Sovremennoe znachenie tibetskoj meditsiny kak chasti lamaiskoj doktriny [The Modern Meaning of Tibetan Medicine as Part of Lamaist Doctrine]. Irkutsk, No publisher's details, 1891, 47 p. (in Russian)
6. Kuzmin Yu.V. Doktor P.A. Badmaev: uchenyi, diplomat, predprinimatel [Doctor P.A. Badmaev: Scientist, Diplomat, Entrepreneur]. Moscow, Tov. nauch. izd. KMK Publ., 2014, 182 p. (in Russian)
7. Ocherki derevenskoj meditsiny v Vostochnoi Sibiri [Essays on Village Medicine in East Siberia]. *Vostochnoe obozrenie* [Oriental Review]. 1892, vol. 13, p. 2. (in Russian)
8. Talko-Gryntsevich Yu.D. K antropologii Zabaikaliya i Mongolii [To Anthropology of Transbaikalia and Mongolia]. *Antropologicheskii zhurnal* [Anthropological Journal], 1902, vol. 2, pp. 1-36. (in Russian)
9. Talko-Gryntsevich Yu.D. K voprosu ob izuchenii fiziologicheskikh yavlenii polovoi zhizni zhenshchin v Zabaikalie [To the Issue of Studying Physiological Phenomena of Female Sex Life in Transbaikalia]. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo Otdeleniya Priamurskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Proceedings of the Troitskosavsko-Kyakhtinskoe Department of the Priamursky Branch of the Imperial Russian Geographic Society]. 1903, vol. VI, Issue 1, pp. 95-135. (in Russian)
10. Talko-Gryntsevich Yu.D. Narodnosti Tsentralnoi Azii. (Mongolo-khalkhasty, buryaty i tungusy). *Antropologicheskii ocherk* [The Peoples of Central Asia. (Khalkha Mon-

gols, Buryats and Tungus). An Anthropological Essay. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo Otdeleniya Priamurskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Proceedings of the Troitskosavsko-Kyakhtinskoe Department of the Priamursky Branch of the Imperial Russian Geographic Society], 1902, vol. V, Issue 1, pp. 39-77. (in Russian)

11. Tarasenko D.B. *M.M. Dobrotvorskii i N.V. Kirilov kak issledovateli narodnoi meditsiny* [M.M. Dobrotvorskyy and N.V. Kirilov as Students of Folk Medicine]. *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal* [Pacific Medical Journal]. 2010, vol. 10, pp. 87-90. (in Russian)

12. Yadrintsev N.M. *Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie* [Siberian Non-Russians, their Life and Contemporary Conditions]. Saint Petersburg, Izdanie I.M. Sibiryakova Publ., 1891, 306 p. (in Russian)

13. Yadrintsev N.M. *Sibir kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a Colony in Geographical, Ethnographic and Historical Sense]. Saint Petersburg, Izdanie I.M. Sibiryakova Publ., 1892, 750 p. (in Russian)

Баикуев Всеволод Юрьевич

доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6
тел.: 8(3012) 43-35-51
e-mail: seva91@yahoo.com

Bashkuyev Vsevolod Yurievich

Doctor of Sciences (History), Senior
Researcher Associate
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047,
Russian Federation
tel.: 8(3012) 43-35-51
e-mail: seva91@yahoo.com